

— Угу, угу. — Сваха Си Нян продолжала что-то старательно толковать, а Лу Ча лишь рассеянно поддакивал.

Его ясные глаза то и дело резво бегали по сторонам.

У входа в дом охотника были высажены два деревца; судя по влажности земли, совсем недавно. Деревянные ворота стояли распахнутыми настежь. В самом дворе в беспорядке были разбросаны немногочисленные предметы быта: скамьи, стол да колодец. Всё было начищено до блеска, но вещи выглядели такими ветхими, что, казалось, не выдержали бы никакой серьёзной нагрузки.

Лу Ча, словно перед ним была не дверь, а пасть дикого зверя, скрепя сердце переступил порог. Он то и дело топтался на месте, не решаясь войти, и лишь осторожно высовывал голову, разглядывая человека посреди двора.

Летняя одежда была лёгкой и тонкой, она почти ничего не скрывала. Движения охотника обнажали его широкие мышцы спины, то появляющиеся, то исчезающие под тканью. Мощная, изогнутая спина и высокий рост, на глаз не меньше метра восьмидесяти, заставили Лу Ча призадуматься.

Он-то ожидал увидеть дряхлого старика, убогого калеку, а этот человек оказался полной противоположностью его представлений.

Лу Ча прислонился к дверному косяку и со скрипом толкнул створку.

Чжоу Чанхао отложил в сторону лук и обернулся. Его взгляд сразу упал на смущённого, покрасневшего Лу Ча, застывшего в дверях:

— Братец Ча?

Если не смотреть на шрам, пересекающий лицо, то по сложению и внешности он вполне мог бы сойти за утончённого учёного мужа.

Его внушительный рост заставил Лу Ча задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом, а уж этот низкий, вибрирующий голос, назвавший его «братец Ча», — само звучание этих слов задело самые тонкие струны души, испытывая на прочность остатки разума Лу Ча.

Кажется, рыба не мертва, а сеть всё ещё цела.

Лу Ча сглотнул подступивший к горлу ком.

Соболиные брови, яркие глаза, отличные пропорции тела... Сделав несколько широких шагов, охотник оказался прямо перед ним. Видя, как внимательно тот его разглядывает, Чжоу Чанхао,

решив, что это выглядит довольно мило, не сдержался и снова позвал:

— Братец Ча.

Лу Ча поперхнулся собственной слюной. От того, что он услышал своё имя так близко, лицо парня залилось густым румянцем — то ли от смущения, то ли от приступа кашля.

И ведь никто, никто не сказал ему, что жених — красавец! В таком случае, с ним вполне можно было бы и пожить.

Чжоу Чанхао никогда прежде не общался с такими Гээр, как Лу Ча, поэтому, видя его состояние, он поспешно принялся хлопать парня по спине.

Кто бы мог подумать, что от этого Лу Ча закашляется ещё сильнее.

Эта серия кашля длилась довольно долго, прежде чем ему стало легче.

Тёплая тяжёлая ладонь плотно прижималась к спине, и каждое содрогание тела под этой рукой отдавалось в самой ладони, вызывая странное, щекочущее покалывание. Чжоу Чанхао чувствовал себя несколько неловко от этих ощущений, и, чтобы унять волнение, невольно поджал пальцы.

Лу Ча был худощав и мало ел, так что охотник мог бы обхватить его одной рукой, а сейчас их разделяло всего три дюйма.

Маленькое, с ладонь, личико Лу Ча сморщилось, глаза подёрнулись дымкой от кашля, а пушистые ресницы намокли от выступивших слёз, что делало его вид ещё более жалким.

Чжоу Чанхао был сражён наповал. Его привычная, грубая манера общения, как с диким зверем, испарилась без следа. Он начал осторожно поглаживать его по спине, словно боясь причинить вред:

— Я... я сейчас принесу тебе воды!

Чжоу Чанхао отвёл руку, но Лу Ча всё равно пошатнулся от неожиданности — к счастью, охотник уже поспешил к колодцу и не заметил этого.

Лу Ча выдохнул. Мало того, что засмотрелся на человека, так ещё и слюни распустил от похоти.

Глядя, как охотник семенит к большой бочке, чтобы зачерпнуть ковшом воду, а потом бежит обратно, Лу Ча отметил про себя: несмотря на то, что перед ним взрослый мужчина, его манера заботиться о ком-то совершенно не вязалась с его суровой внешностью.

Это было... довольно мило. Контрастно.

— Вот, братец Ча, попей, станет легче.

Он протянул ковш, который был размером чуть ли не с лицо самого Лу Ча. В воде отражалось лицо парня.

Лу Ча сделал маленький глоток, смачивая горло, и украдкой взглянул на своё отражение.

Черты были похожи на его истинное лицо процентов на семьдесят-восемьдесят. Видимо, Лу Циньнян знала, что Гээр нельзя портить лицо, поэтому, когда избивала прежнего владельца тела, всегда старалась бить по телу, оставляя следы там, где их не видно.

Кожа у него была чистой и белой. В деревне все привыкли, что он вечно ходит, опустив голову, и никто даже не подозревал, что этот пугливый Лу Ча — настоящий красавец.

Впрочем, оно и к лучшему. Узнай Лу Циньнян об этом, она бы вряд ли ограничилась просто продажей охотнику.

Стоило Лу Ча начать размышлять, как он тут же терял нить разговора, задумчиво потягивая воду. Спустя долгое время воды в ковше почти не убавилось.

Чжоу Чанхао вырос в бедности, без отца и матери, и все накопления отдал в качестве выкупа за Лу Ча. Оглянувшись на хаос во дворе, он подумал о том, что в доме нет никакой приличной мебели, на дверях не наклеены иероглифы «Счастье», а свадебный пир, который по правилам должен был состояться, не устраивают, потому что деревенские обходят его как чумного...

Раньше Чжоу Чанхао жил один, неприхотливо. Мужчине было достаточно того, что он не голодает, но для изящного и любящего красоту Гээр такие условия были настоящим убожеством.

Может, братец Ча сейчас жалеет, что согласился выйти за него?

Чжоу Чанхао сжал пальцы, словно принимая решение:

— Братец Ча, четыре года назад староста спас меня на склоне холма у деревни Ляншань. При мне был лишь окровавленный клинок, а память о прошлом отсутствовала. Староста пообещал, что если я отдам ему клинок, он внесёт меня в списки жителей. Но в деревню стали приходить люди со стороны, и местным это не нравилось. А однажды какой-то проходимец-шарлатан ворвался в Ляншань, указал на меня пальцем и назвал одиноким демоном, приносящим беды. С тех пор никто не хочет приходить ко мне на пир.

Чжоу Чанхао замолчал. Дело было не в том, что он не хотел звать людей — люди сами не шли,

боясь навлечь на себя несчастье.

Лу Ча же в этот момент думал о Лу Циньнян и удивился, с чего это охотник вдруг начал оправдываться, выкладывая всё как на духу.

Послушать его — и неудивительно, что та женщина продала ему прежнего владельца тела.

Но! Лу Ча не верил во всю эту чушь про духов и демонов. Если уж кому и бояться, так это им — ведь перед ними стоит настоящий, обретший плоть дух.

Лу Ча расправил плечи и поднял взгляд на охотника. На его суровом лице читалось столько вины, что сердце Лу Ча смягчилось. Он терпеливо произнёс:

— Никто не хочет приходить? А я приду!

Сказав это, заботливый Лу Ча понял, что что-то здесь не так.

Он же и есть второй участник этой свадьбы. Что значит «я приду» на свой собственный пир?

— Нет, не так! Не так. То, что они не придут — их потеря. А нам двоим, конечно, не нужны никакие посторонние!

Чем меньше людей, тем лучше — так он сможет надёжнее скрыть свою тайну.

Глаза Чжоу Чанхао увлажнились. К счастью, братец Ча не побрезговал им.

Лу Ча вернул ковш охотнику, отряхнул руки от брызг воды и принялся прогуливаться по двору.

<http://bllate.org/book/27896/3381421>